

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Виктор Боков:

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

СОЛОВЬЯ НЕ СЛУШАЮТ С ТРАНЗИСТОРОМ В РУКАХ

Давно замечено: человеку не столько лет, сколько есть, а столько, на сколько он выглядит. Верность этой мысли при знакомстве с Виктором Боковым становится бесспорной, стоит только увидеть, как он «рвет» мехи гармошки или влетает на второй этаж переделанной дачи за гранками последней книги, богородской резной игрушкой, за чехословацкой пластинкой «Боков с балабайкой»... А как молодо звучат его стихи, как наполнены они музыкой! Некоторые песни на его стихи поются настолько широко, что звучат уже как народные, — это ли не признание для поэта, который и сам всегда в своем творчестве настраивался на звучание народной речи, на внутренний лад русской национальной культуры... Об этом стыке слова и звука, о влиянии народной культуры на современность, о творчестве наш разговор.

— Представляя вашу пластинку, поэт Михаил Львов вспоминал, что вам ничего не стоило в лесу повторить хитрую песенку одной птахи, которая, обманувшись, прилетела на ваш пересист... Честное слово, не верится — в птичьих трелях такие колена, такие фиориты. Трудно пересистывать с птицами!

— Это дело привычки! Было бы прекрасно, если бы все поэты обладали музыкальным слухом. Думаю, что я стал писать стихи еще и потому, что был с детства чуток к мелодии, и не в узком смысле этого слова, а в самом широком — к мелодичности деревенской жизни, к пластичности живого говора, к напевности бытия. Я вырос в центре России, в краю, где песня была плотью и кровью труда и праздника. Бывало, что на праздниках в наших Язвицах, что под Загорском, звучало разом до тридцати гармошек! Моя мать сама была чудесной певуньей, если при ней в компании кто-нибудь плохо пел, она просто уходила из-за стола. Мне навсегда запомнилось ее святое отношение к пению. Согласитесь, что избегать вранья — одно из важнейших качеств для поэта. Я сам выучился играть на балабайке, на мандолине, на гармошке. Меня никто не учил. У нас это было как-то не принято, считалось, что неслуха не научишь, а тайны инструмента истый музыкант должен открывать сам. В детстве, подростковом, я мог переименовать пение самого соловья. И это не хвастовство, а всего лишь примета той органичной мелодичности, которой был буквально пропитан наш край. Музыкальность его уходила корнями в шестисотлетний пласт культуры моей деревни. Даже в обычном деревенском застолье, еще до того как начинают петь, для меня уже закодирована музыка.

— Чему народная музыка, песня могут научить современного поэта? Не слишком ли это далекие понятия?

— Здесь сразу два вопроса: о содержании и форме и о приемах творчества. Начну издаека: известный собиратель песен Забайкалья Протасов записал на ноты 45 песен старообрядцев, среди которых меня всегда поражала песня «О гибели мира». Музыка ее написана в мажорном ладу! Вдохновенно и спокойно звучат слова о том, что солнце погаснет и мира не будет. Проникаясь этой песней, внезапно понимаешь, что она не столько о гибели мира,

сколько о величии человеческого духа. Вот и выходит, что народная песня учит современную поэзию ответственности за жизнь. Это главное. И это не формальные уроки, а нравственные в первую очередь. И заложены они именно в песне. Камертон, по которому должна настраиваться современная отечественная культура, и поэзия в том числе, — это именно духовная гармония, страстная ответственность за человека. Человек — святыня, это идет еще от Рублева. Подобная всечеловечность — краеугольный камень нашей национальной культуры, поэтому любое игнорирование этой сути разом оборачивается бездуховным формотворчеством, фальшивкой, подделкой. У нас слова идут на выучку к песне не для красоты звучания только, а для верности раз и навсегда взятому тону и уровню целой культуры.

Теперь о том, чему конкретно можно поучиться у народа. Возьмем народное понимание образности. Поехал: «Роди мне сына белого, как сыра, роди мне дочку тонкого ледочку». На первый взгляд сведены в одно целое такие далекие предметы — сын и сыр, дочь — ледок. Но почему же нам кажется столь естественным это соседство? Потому что рифмуются не слова, а духовная суть желания. Роди мне сына доброго, крепко сбитого, а дочь красивой. Эти тайны щедро брал у народа Есенин. Помните его знаменитое: «...ягненок — кудрявый месяц». Почему ягненок — месяц? Да потому, что оба они только что родились, оба новорожденные. Здесь сопрягаются не рифма, не слова, а духовная суть предмета. Так плодотворна, богата и глубока народная поэтическая мера образа.

— Вернемся к вашему детству, из которого всегда так много черпает поэт. Кто была ваша мать, о которой вы с такой любовью говорите?

— Простая крестьянка Софья Алексеевна, но если бы вы только слышали, как она пела, видели, как она ходила... Ей от природы была свойственна особая музыкальность движений, жестов, походки. А как богата по смыслу, по игре интонаций была ее речь! Один пример. Сынишка моей сестры Димка прыгает во дворе, сестра кричит: «Димка, не прыгай!». На крыльцо выходит мать (это надо видеть): «Полин, ну как же это не прыгай? Дитё — пусть попрыгает. Вот ты мне скажи: бабушка Соня, поколотись, попрыгай, — я уж не подпрыгну. А он ребенок. Пусть прыгает. Дайте ему и от себя пожить, а то совсем за толкала! Еще идиот вырастет».

Сколько лет прошло, а помню слово в слово.

— Вы составитель известного сборника русских народных частушек, много лет отдали изучению современного фольклора. Скажите, Виктор Федорович, продолжается ли сейчас народное творчество в песне, в частушке?

— Нужно резко разграничить судьбы русской народной песни и частушки. У них разные планы.

Песня — это крыша для всех. Она объединяет под своим крылом целые поколения людей, частушка же — про каждого в отдельности. Сейчас, когда я приезжаю в родные места, я уже не слышу песен, кроме тех, что можно услышать по радио и повторить. Совсем другое дело частушка! Она живет и еще долго будет жить. Частушка — это как маленький навес от дождя, как карманное зеркальце девушки. Сколько людей — столько и частушек. Это удивительно живой жанр, особенность которого в его принципиальной установке — каждый человек может сочинить частушку. Она годится на все случаи жизни, она удобна. Как-то попал я под Воронеж на поле, где работали девушки-трактористки, стоял жаркий день, а им как на

грех не подвозили воды. Вечером я услышал их лихую припевку:

Ай, подружка дорогая,
Мы с тобой добьемся!
Нам воды не привезут,
Из сапога напьемся!

— А каково ваше отношение к современной эстрадной песне и музыке, как к зарубежной, так и к отечественной?

— Мне становится страшно, страшно за человека, оставшегося наедине с «музыкальной наушников», с этой атакующей злом. Я не раз писал по поводу засилья западной эстрады, особенно той, которая без слов, которая якобы молчит, а только хлещет по ушам децибелами, и как-то получил рассерженное письмо одного молодого человека. «Тов. Боков, — написал он, — не путайте музыку с идеологией!». Но, позвольте, молодой человек, что же мне делать, если эта музыка насквозь пронизана идеологией? Мне не по себе совсем не от того, что песенка поет, скажем, о благах капитализма, нет, все это гораздо серьезней. Она поет об обреченности человеческих надежд, о том, что ты один на один с миром зла и ненависти, а иным он не может быть, что даже счастливая любовь — только чуждый огонек над бездной тьмы... Как мне, русскому поэту, не ополчаться против этой ползучей черной жижи?! Наша культура утверждает совсем другое: русская музыка в мировом хоре — это высокий голос сострадания, соединения, сочувствия; он отвечает за себя и за жизнь, он ответствен по меркам, которые недоступны истеричному сознанию коллективного эгоизма. Спроси меня: вот через пять минут мира не станет, что ты будешь делать эти пять последних минут? Ответчу: буду делать то, что делал, — копаться в саду, писать стихи, суп вот этот варить. Кому-то это покажется бессмысленным, пусть, но я знаю, что это не так. Песня, а если более широко, музыка, стала сейчас буквально фронтовой линией, и я бы не сказал, что мы атакуем. Увы, наша эстрадная песня мало что может противопоставить воинствующему индивидуализму Запада. Слишком много халтуры, сериатны, пыли в глаза. Музыкальные ловкачи научились строгать подделки, которые могут только стать кумиром на час, а больше им и не надо. Вот и лепят они автоматический шлягер за шлягером. Но все это — за бортом культуры. И эти явления порой опасней откровенных заокеанских радений.

Скажите: круто сказано? Но ведь душа болит. Вот недавно на празднике некараховской поэзии я заметил одинокого паренка, танцующего в стороне от всех, словно в трансе. Его вовлекли в круг, но вскоре он опять остался один, ушел из круга, продолжая свой конвульсивный танец одиночества. Та музыка разъединяла его с людьми. А вас не пугают юнцы в метро с радионаушниками? Черными, как шоры у лошадей. Довелось мне видеть и молодого человека, который слушал соловья с транзистором в руках, и эта механика вопила во весь голос какую-то дрянную музыку. Как только соловей выдержал?.. Суть нашей отечественной песни — объединять людей, вселять веру в силу добра, в песне нравственный идеал народа, вот почему я так близко воспринимаю все то, что пытается жалить нас в самое сердце пустой шумихой слов и музыки.

— А теперь несколько неожиданный вопрос для поэта: Виктор Федорович, вы пишете прозу?

— Пишу. Вот сейчас начал писать воспоминания о Платонове. Так получилось, что, несмотря на заметную разницу в возрасте, мы с Андреем Платоновичем очень дружили. Познакомились в 1936 году, когда я, набравшись смелости, явился к нему прямо домой, не прочитав до этого ни одного его произведения, услышав только от

Фаворского, что вот-де есть такой замечательный писатель. Явился, чтобы просить рассказ для журнала «Дружные ребята», в редакции которого я тогда работал. Когда он вышел ко мне, я увидел человека с глазами Достоевского. Таким он врезался в память на всю жизнь. Это был очень артистичный человек. Он легко превращал жизнь вокруг себя в маленький спектакль... Например, идем мы купаться, а навстречу нам мальчишки. «Кто из вас подхалим?» — восклицает вдруг Платонов. — «Я!» — так же внезапно отвечает один парнишка. — «Вот тебе рубль за откровенность...». Зная его любовь к подобного рода игре, в тяжелое время его болезни я придумал для него поэта Никиту Кулемку, приносил вирши этого «поэта», сочинил биографию; надо было видеть, с каким огоньком включился в игру уже безнадежно больной человек, какие идеи он мне подкидывал.

— А рассказ тогда напечатали?

— Да, напечатали. Рассказ «Красный лиман», несмотря на то, что он не имел ровного никакого отношения к детской тематике журнала. Отличный рассказ...

— Недавно состоялся юбилейный пленум правления Союза писателей СССР, посвященный 50-летию образования союза. Вы были участником пленума. Что вам дал откровенный разговор о делах писательской организации?

— Я прилетел на пленум из Алуты, где отдыхал, и с особой радостью ощутил себя частью писательской братии. Слишком много времени мы проводим наедине с собой, за письменным столом, и потому так дорого было ощутить причастность к большому общему делу, так приятно оказаться в зале среди своих товарищей. Чувство локтя на пленуме было для меня очень важным.

— Что у вас вызывает стойкую человеческую антипатию?

— Золото. Терпеть его не могу! И его наглый желтый цвет, и все, что связано с этим металлом.

— Как складываются ваши отношения с критикой, влияет она на ваше творчество или нет?

— Вдумчивая, доброжелательная критика мне всегда помогала. По правде говоря, этот юбилейный год (мне исполнилось 70) был нелегким для меня в силу целого ряда житейских обстоятельств. За полгода не написал ни строчки. Казалось, что больше я вообще ничего не напишу. И вдруг 7 сентября — мне этот день запомнился — я прочитал в гранках статью очень хорошего вологодского поэта Александра Романова о моем творчестве — «Радуга Виктора Бокова». Писали обо мне много статей, но такой еще не было. Романов не хвалил взахлеб, а вдумывался в мою поэзию, он ухватил самую суть, самое главное раскрыл. Он словно тяжелый камень снял с души, и я снова стал писать, строки кипели. Такое критическое высугивание прочищает голос, возвращает молодость.

— Пока мы разговаривали, вам, Виктор Федорович, удалось сделать массу дел. Как вам удается так интенсивно жить? В чем ваш секрет?

— Секрета нет — я люблю жизнь в движении и действии. Люблю часами копаться в земле, семь лет выращивал из зернышка вон ту смородину и недавно узнал, что вывел новый сорт и что его можно официально зарегистрировать. Я люблю бродить по лесу, искать грибы. Люблю рыbachить. Люблю готовить. Супы умею варить, особенно уху. Секрет готовки прост: хорошая приправа выправит все ваши ошибки (в чем вы сейчас сами убедитесь). Только вот плохие стихи никакой приправой не сделаешь съедобными!

Беседу вел
А. КОРОЛЕВ.
ПЕРЕДЕЛКИНО.

Выступает В. Боков.
Фото ТАСС.